

Тезисы выступления М.Л. Гальперина на XVII Международной научно -
практической конференции «Державинские чтения»

Сессия: Модели развития системы принудительного исполнения

**Исполнительное производство в информационную эру: принуждение,
милосердие или справедливость?**

1. Исторические этапы развития исполнительного производства: есть что-то библейское. Сначала Ветхий завет: «око за око» фактическое исполнение любой ценой, сплошное насилие и понуждение. Иосиф Алексеевич Покровский: «Быть должником в древнейшем праве значило во всех случаях одинаково быть «обреченным» произволу кредитора. Имущественная сторона обязательства не проступала наружу: неуплата большой или малой суммы влекла за собой одинаково полное поступление должника во власть кредитора. Овладение личностью должника при неисправности отнюдь не было только средством для понуждения его к исполнению; оно было самостоятельным осуществлением личной «обреченности», которая составляла содержание всякого обязательства того времени. Дальнейшее развитие обязательственных отношений заключается в ослаблении, а затем и уничтожении личной ответственности должника. Сначала запрещается убийство должника или продажа его в чужие руки; затем рабство превращается в простую долговую кабалу или личное задержание, имеющее своей целью побудить должника или его близких к покрытию долга. Обязательство связывает не волю должника, а только обязывает его имущество. Долг есть только уменьшение имущества, а не свободы.
2. Смена парадигмы принудительного исполнения в России (как и в других европейских странах) в XIX в. – проступает милосердие (Новый завет): «щадить должника и не разорять его напрасно». Комментарий к УГС 1866 года: «Если капиталист необдуманно раздает свои капиталы всякому без разбора, то закон не должен поощрять его к неосторожным действиям, обещая принять все возможные меры к возврату розданных сумм. При всякой несостоятельности часть вины должна быть отнесена и на самих займодавцев, которые могут быть обвиняемы или в небрежности, или в том, что для извлечения неумеренных выгод давали деньги

неблагонадежному лицу, или же обременяли заемщика большим процентом, не удостоверяясь в возможности возврата долга». В 1879 отменили и личное задержание.

3. Какая ситуация теперь?

- a. Объективно, по статистическим данным из 6 присужденных рублей в исполнительном производстве взыскивается всего 1. И это не вина службы приставов, и только отчасти последствия несовершенства законодательства. Таковы вечные и неумолимые законы экономики, которые одинаково действуют и на досудебной, и на судебной, и на пост-судебной стадии развития обязательства.
- b. И в IX или XIX веках неисправный должник – либо разорившийся, либо жулик, либо больной и умирающий. Мы по всей группе компаний на основе анализа данных сформировали типовой портрет нашего сегодняшнего должника в исполнительном производстве по долгам за электроэнергию – это люди самого трудоспособного возраста (от 36 до 50 лет), живущие в крупных городах – 40 % должников). При этом процент пенсионеров среди должников невысокий (меньше 20%). Эти данные в целом совпадают с теми, которые публично озвучивал Дмитрий Васильевич Аристов (директор ФССП) летом этого года.
- c. Последние двадцать лет демонстрируют, что никакие меры личного принуждения и ответственности (даже такие радикальные, как лишение водительских прав и размещение портрета должника на доске позора) не способны исправить ситуацию, даже сдержать рост невзысканной задолженности. Процент задолженности, взысканной в результате применения, например, ограничения на выезд за рубеж, составляет менее 4 % от общего долга по тем исполнительным производствам, в которых ограничение было установлено. Похоже, мы уже вплотную приблизились к конституционным пределам законодательных ограничений прав должников. Кардинально нового ничего не придумать.

4. Что же делать?

- a. Как бы ни было трудно, всем (и взыскателям, и государству) пора смириться с тем, что в современных условиях фактическое исполнение на стадии исполнительного производства с участием суда и пристава – далеко не гарантированный результат. Тогда может возникнуть философский вопрос: «Зачем нужно исполнительное производство, если оно не может справиться с недобросовестными должниками, а добросовестные и так погасят долг?». Исполнительное производство нужно обществу и государству все равно, поскольку оно:
- i. *предотвращает произвол взыскателя в отношении должника и его имущества, создает законные условия взыскания кредитором самостоятельно, но под контролем государства,*
  - ii. *создает стимулы и возможности для урегулирования задолженности с участием органов государства (рассрочка, отсрочка исполнения, заключение мирового соглашения, изменение способа исполнения, отказ от взыскания и т.д.), и, наконец,*
  - iii. *выступает механизмом аккумуляции и оценки перспектив взыскания долгов с определенного должника (например, в сводном исполнительном производстве) для возможного применения к нему процедуры несостоятельности, либо привлечения к уголовной ответственности за хищение чужого имущества.*
- b. Важно осознать, что в XXI веке основной инструмент принудительного исполнения – не насилие, монополия на которое столетиями принадлежит государству, а информация: о должнике, его имуществе, счетах, обязательствах. И новая задача принудительного исполнения – выступить шлюзом между публичными информационными системами и заинтересованным и активным взыскателем в получении и эффективном использовании этой информации (безусловно, при соблюдении публичных ограничений).
- c. Нужно признать, что принцип формального равенства не препятствует предоставлению БОльших прав и возможностей тем взыскателям, которые готовы и способны их использовать самостоятельно. Не секрет, что уже давно

привилегированными взыскателями являются органы государственной власти по требованиям о взыскании налогов и административных штрафов. Им, например, доступны электронные исполнительные документы, автоматически направляемые в ФССП. Часто государственные взыскатели вообще обходятся без приставов, например, при сносе самовольных построек. И крупнейшие банки имеют несколько большие, чем обычный взыскатель, возможности оперативного цифрового взаимодействия с госорганами в процессе принудительного исполнения. Перечень привилегированных взыскателей можно юридически расширить, хотя бы за счет расширения использования электронных исполнительных листов. К сожалению, даже в столичных судах зачастую получить в электронном виде исполнительный лист частному лицу до сих пор невозможно, несмотря на то, что в законе такое право есть.

- d. Стратегические компании становятся беспрецедентно прозрачными для государства, в том числе в результате налогового мониторинга. Они будут стремиться делать это дальше, в т.ч. вкладываясь в сложные технологические решения, если взамен смогут и сами использовать публичное «озеро данных» для работы со своими должниками, повышая эффективность взыскания. Такие взыскатели (за которыми зачастую стоят миллионы акционеров и работников) смогут обеспечить и соблюдение публичных интересов, и требований информационной безопасности, и защиты персональных данных.
5. Позволим предположить, что будущее исполнительного производства – не в мучительном поиске шаткого баланса между насилием и милосердием по отношению к должнику, перебирании экзотических мер принуждения, со одной стороны, и все новых видов ничем не компенсируемых взыскателю иммунитетов и мораториев на взыскание для отдельных категорий должников – с другой. Иначе, мы рискуем в итоге вернуться к рецептам исполнительного производства из памятников древнего права, хоть и под другими названиями: к позорному столбу, круговой поруке, долговой яме, и сплошному прощению долгов в юбилейные и коронационные годы. Этого допустить нельзя.

6. Справедливость цифрового исполнительного производства - не в применении силы и всепрощении, а в честном распределении информации, и определении законных пределов ее использования. Здесь же лежит и самый прямой путь к эффективному взысканию.

Спасибо за внимание!